

данной главы — в ней рассматриваются дворы другого смыслового значения: участок усадебной земли, на котором расположены постройки одного хозяйства.

Большое внимание уделяется описанию хозяйственных построек, которые разделяются по функциональному назначению на пять групп. На 10 таблицах представлены хозяйственные постройки разных групп и их варианты особенности. С полным основанием подчеркивается влияние процессов социально-классовой и имущественной дифференциации сельского населения на характер и количество хозяйственных построек в крестьянском дворе.

Показывая большие изменения в характере дворовой застройки за годы Советской власти, обусловленные новыми социально-экономическими условиями жизни колхозного села, автор отмечает также сохранение и развитие исторически сложившихся положительных традиций в застройке дворовых участков.

Третья глава — «Народное творчество в архитектурно-художественном оформлении комплекса народного жилища», составляющая третью часть книги, одна из самых интересных. В ней ярко показаны традиционные и новые приемы художественного оформления жилого дома, его интерьера и усадьбы. Автор детально анализирует архитектурные особенности жилого дома. Внимание читателя обращается на пластическое разнообразие декоративной отделки соломенной крыши, высота которой в дореволюционном жилище в полтора — три раза превышала высоту стен.

Одна из характерных особенностей подольского жилища — его живописность. Т. В. Космина убедительно показывает, что обычай украшения стен, имеющий многовековую историю, обусловлен древними традициями освоения декоративных возможностей цветных глин и растительных красок, применявшихся и для украшения предметов домашнего быта — керамики, ковров, тканей и пр. Ярко описаны в этой главе особенности подольской архитектурной росписи, ее расположение в архитектурной композиции, основные мотивы орнамента, излюбленные цветовые сочетания. Анализ декоративно-художественных приемов оформления сельского жилища умело дополняется и как бы подтверждается выдержками из народных песен, в которых говорится о красоте и нарядности крестьянских хат Подолки. Ценные образцы песенного народного творчества органически вплетаются в текст не только этой, но и других глав книги. Отметим, что столь удачное сочетание этнографического и искусствоведческого подхода не часто встречается в нашей литературе.

Эстетическое решение всего комплекса подольского жилища справедливо рассматривается автором как результат коллективного народного творчества, обусловленного в значительной степени местными художественными традициями. Это дает основание полагать, что народному искусству Подолки присущи своеобразные художественные особенности. В составе всего комплекса жилища Подолки, имевшего свою архитектурно-стилевую выразительность, автор выделяет локальные художественные черты жилища северных, южных и центральных районов Подолки. Отмечаются также некоторые особенности в художественном решении жилища других этнических групп — русских и поляков.

В заключении книги на основе обобщения изученных материалов выделяется по совокупности наиболее существенных признаков региональный комплекс украинского традиционного жилища — подольский. На основе анализа локальных особенностей жилища, характерных для отдельных районов Подолки, намечаются в составе подольского комплекса жилища три его варианта: северный, южный и центральный. Это важный итог многолетних этнографических исследований сельского жилища Подолки.

Выход в свет книги Т. В. Косминой «Сельское жилище Подолки» — значительный вклад в советскую этнографическую науку. Изложенные в книге обширные материалы и убедительные в своей основной части результаты исследования имеют большое теоретическое и практическое значение.

Л. Н. Чижилова

Пушкарёв Л. Н. Сказка о Еруслане Лазаревиче. М.: Наука, 1980, 183 с.

Получившая широкое устное распространение, выдержавшая более 200 лубочных изданий и известная по рукописным спискам русская сказка о богатыре Еруслане Лазаревиче закономерно изменялась в течение веков в соответствии с национальной фольклорной традицией. На этой основе сложились в XVII в. рукописные повествования о Еруслане, бытовавшие до начала XIX в. и в ходе историко-литературного процесса взаимодействовали рукописные, лубочные (XVIII — начало XX в.) и устные варианты популярной сказки. Разный характер имели ее обработки в лубочных картинках, сборниках сказок (так называемых «серых изданиях») и более поздних книжках лубочных авторов, вносящих в сказочное повествование реминисценции из произведений Пушкина, Жуковского, Ершова и даже Гомера и Тассо. Не одинаковым оставался и социальный круг читателей лубочной литературы. Лубочные повествования о Еруслане XVIII — начала XIX и второй половины XIX — начала XX в., в разной степени связанные с фольклорной традицией, в свою очередь оказали влияние на устные народные сказки — очень большое на русские, меньшее на белорусские и украинские, а также на сказки некоторых тюркоязычных и других народов СССР.

Хотя первые немногочисленные публикации записей полных вариантов народных восточнославянских сказок о Еруслане появились в предреволюционные десятилетия, не вызывает сомнений предположение, что русская устная традиция сказок о Еруслане формировалась и развивалась долго. Этим, вероятно, и можно объяснить превращение Еруслана, сказки о котором связаны своим происхождением с культурой Востока, в типичный народный образ русского богатыря, а также переход его из сказоч-

ного и героический былинный эпос, оказавший воздействие на сказки о Еруслане. Корни «Еруслана Лазаревича» уходят в глубокую почву мирового фольклора и сложным, опосредованным путем связаны с такими древними литературными памятниками, как «Шах-наме» Фирдоуси, а также имеют отношение к культуре древнейшей Руси. Ведь отдельные мотивы, характерные для «Еруслана Лазаревича» (например, «Спасение девушки победителем змея», «Бой отца с сыном»), были свойственны русскому сказочному и героическому эпосу издавна, а не с XVI или XVII в., когда на русском языке стали распространяться устные и письменные повествования данного сюжетного типа. Эти мотивы не имеют параллелей ни в восточном, ни в западном материале.

В книге Л. Н. Пушкарева впервые исчерпывающе освещена история русской сказки о Еруслане, представленной в старинных рукописях, различных печатных сборниках, лубочных книжках, иллюстрациях к ним, лубочных листах и картинках, народной керамике, игрушке, в устной сказочной и былинной традиции. Рассматривается эта история в перспективе пока еще не вполне разработанной общей истории русского фольклора и лубка, в которой данная сказка играла заметную роль. При этом используются разнообразные вспомогательные источники — художественная, мемуарная литература, «владельческие» надписи на книгах и т. д. Автору монографии приходится затрагивать неясные и спорные вопросы, ответить на которые трудно вследствие недостаточности сохранившихся в архивах материалов.

«Цель работы, — как подчеркивает Л. Н. Пушкарев во „Введении“, — вскрыть глубокие национальные корни этой некогда популярной народной сказки, показать, как изменился в народном сознании международный бродячий сюжет» (с. 4). Этой цели служит обстоятельный критический обзор (глава I) предшествующих исследований, а также упоминаний, отзывов о «Еруслане Лазаревиче» в поэтических, драматических, прозаических художественных произведениях, различных высказываниях литераторов и ученых (в дневниках, воспоминаниях, предисловиях, комментариях, заметках, неспециальных статьях, книгах) с XVIII в. до настоящего времени. Рассматривая высказанные в научных трудах взгляды на происхождение сказки о Еруслане, Л. Н. Пушкарев склоняется к гипотезе С. П. Толстова о том, что прасказание о змееборце, сражающемся со своим сыном, зародилось еще у роксоланов, предков славянских русов, и русский, иранский и среднеазиатский эпос об Илье и Рустеме, «отложившийся» в сказочном образе Еруслана, имеет общие истоки в скифо-массагетской и сармато-аланской среде.

В главе II автор монографии пытается установить, как появился сюжет о Еруслане на Руси. Здесь он основывается исключительно на этюдах С. П. Толстова «Из предистории Руси» (1947). Спорную «роксоланскую теорию» отнюдь не подкрепляя ссылки на известные осетинскую, сванетскую, пшавскую и удинскую кавказские сказочные версии «Рустемиады»: известны ведь и не менее многочисленные и тоже далекие от «Шах-наме» сказочные ее отражения в башкирском, узбекском и казахском опубликованном материале, не учтенном в монографии. То, что в I главе было представлено в качестве оригинальной гипотезы, в главе II отчасти просто утверждается как очевидное, несомненное. Например: «По-видимому, устные сказания о Рустеме и были восприняты великорусской народностью в эпоху ее становления. Они повлияли на уже бытовавшие ранее прасказания... Несомненно, что восточное сказание о Рустеме, проникшее на Русь, отличалось от того сказочно-былевого прасказания, которое бытовало на Руси с доисторических времен...» (с. 47). Доказательств этому нет, а слова «по-видимому» и «несомненно» заменить их не в состоянии. Между тем, излагая гипотезу А. С. Орлова о том, что восточный оригинал русского «Сказания о некоем славном богатыре Еруслане Залазаревиче» (список № 773 XVII в., собр. Погодина), усвоенного, судя по сказочному стилю, устным путем, представлял собою компиляцию тюркских сказок, подобную известным нам теперь, Л. Н. Пушкарев оставляет в тени подтверждающие ее некоторые факты и с излишней категоричностью делает вывод: «Тюркская теория, следовательно, существенных подтверждений в списках повести о Еруслане XVII в. не находит... [она] имеет право на существование, но пока документально подтверждена быть не может» (с. 53). Думается, однако, что следовало бы учитывать, во-первых, явные тюркизмы и измененные на тюркоязычный лад персидские имена в русском тексте «Сказания», а во-вторых, бытующие поныне у тюркских народов СССР устные сказки, представляющие собой сюжетные сплавы, которые заслуживают вдумчивого текстуального сопоставления с русскими сказками о Еруслане XVII в. и более поздними. Сошлюсь, например, на опубликованную в 1978 г. на башкирском языке в третьей книге сказок многотомной серии «Башкирское народное творчество» сказку типа «Еруслан Лазаревич» под заглавием «Тимерхан» (№ 25) и ее вариант «Тимершахи», цитируемый в комментариях¹. Не только главный, но и другие персонажи башкирской сказки носят иные, чем в русских вариантах «Еруслана Лазаревича», имена (хан Махмут, Ямалетдин-батыр, Акбурек-батыр, царь Искандер, царь Асфандияр, колдунья Уткуз, благодаря целебному жиру которой Тимерхан возвращает зрение ослепленному отцу). Не имеют соответствия в русских вариантах и некоторые эпизоды башкирских вариантов «Еруслана Лазаревича». Но общего, особенно в композиции между ними больше, чем различий. Причем вопрос о древних генетических связях русских и тюркоязычных сказок в данном случае осложняется заметным влиянием на «Тимерхана» русского «Еруслана».

В той же главе II Л. Н. Пушкарев дает конкретный сравнительный анализ ранних рукописных вариантов сказки о Еруслане, которые сводятся к трем редакциям XVIII в., имеющим разные устные источники, что не исключает возможности влияния

¹ Башкирское народное творчество. Сказки. Кн. III. Уфа: Башкирск. книжн. изд-во. 1978, с. 328–329.

фольклорного стиля и в процессе письменного бытования сказки. Такой анализ позволил, конечно гипотетически, представить состав устной сказки, бытовавшей до XVII в., т. е. до того, как она подверглась литературной обработке. Большинство из 21 сохранившегося старинного рукописного списка сказки о Еруслане датируется XVIII и началом XIX в. и, как установлено анализом, восходит к так называемой полной сказочной редакции XVII в. из собрания Погодина (№ 1773)². Эти списки позволяют проследить исторически закономерные тенденции, связанные с постепенной демократизацией круга читателей «Еруслана Лазаревича»: в стиле усиливаются элементы куртуазности в духе рыцарской повести, затем проявляются черты трансформации в жанр богатырской народной сказки.

При исследовании рукописных вариантов сказки о Еруслане автором монографии допущены некоторые неточности. Неверно, например, утверждение, будто эпизод встречи Еруслана с кузнецами и швеями, изготовляющими вражеское войско, известен только по так называемой краткой сказочной редакции 40-х годов XVII в. (собр. Погодина, № 1556) и «нигде, кроме нее, не встречается» (с. 29). Аналогичные эпизоды находим в тексте № 161 «Народных русских сказок» А. Н. Афанасьева, и в тексте № 14 третьего выпуска «Белорусского сборника» Е. Р. Романова (Витебск, 1887), а также в башкирской сказке «Гайнезар и Етимьяр»³. Все названные сказки — русская, белорусская и башкирская — отчасти относятся к сюжетному типу «Еруслан Лазаревич» и несут отпечаток влияния лубочных сказок о Еруслане. Вызывает сомнение вывод, сделанный в результате анализа «полной сказочной редакции» XVII в. о том, что повествование о Еруслане «гораздо ближе по своей идее к сказке типа „Победитель змея“, чем „Чудесная сила“» (с. 43). Оно слишком сложно по своему сюжетному составу, чтобы свести его к сюжету о змееборстве. А противопоставление «Победителя змея» не определенному сюжетному типу, а условно обозначенному в международном указателе АТ целому разделу очень разных сказок — «Чудесная сила» (это отнюдь не тип сказки), к которому отнесены наряду с «Ерусланом» и многосоставные сказки о былинных богатырях, тем более неправомерно.

Главы III и IV, посвященные литературным, лубочным обработкам сказки в XVIII и XIX вв., занимают около половины монографии и наиболее насыщены новым фактическим материалом, впервые вовлекаемым в научный оборот. Здесь показывается, как в судьбе «Еруслана Лазаревича» своеобразно и сложно отражались изменения, происходившие в русской общественной и литературной жизни в течение двух столетий. Выясняются определенные рукописные источники лубочных картинок и сказок и особенности трансформации рукописной традиции в лубочную, что связано с дальнейшей фольклоризацией лубочных текстов, с одной стороны, и постепенным сближением лубочных сказок с собственно литературными.

Если в XVIII — начале XIX в. лубочные сказки отвечали эстетическим запросам большинства демократических читателей и способствовали расширению их круга, пробуждая любовь к чтению, то позднее их прогрессивная роль в просвещении народа была утрачена. Ремесленные поставщики лубочной продукции на книжный рынок, например, такие сочинители лубочных сказок о Еруслане, как М. Евстигнеев, Ф. Исаев, К. Голохвастов и И. Кассиров (Ивин), угождали самым невзыскательным вкусам. В этом убеждает данный в монографии обзор содержания различных лубочных сказок. Главы о лубочных сказках, безусловно, выиграли бы, если бы из обзора сделаны были определенные выводы не только о связях, но и о различиях фольклорной лубочной и собственно литературной традиции. Недостаточный учет этих различий приводит к неточностям, например к такой формулировке: «Все это дает право утверждать, что в своей массе бесцензурный лубок XVIII — начала XIX в. был народной книгой, создаваемой самим народом...» (с. 88; курсив наш. — Л. Б.). Такое стирание грани, отделившей лубок от коллективного фольклорного творчества, не может не вызвать возражений. Фольклорное творчество, как и лубочное сочинительство, исходит из готовых образов, но фольклорные образы изменяются и развиваются в русле коллективно выработанной давней традиции. В то же время лубочные переделки фольклорных сказок находятся под прямым воздействием литературы и так или иначе всегда выходят за пределы народной устной традиции. Другое дело, что грани между лубком и фольклором с течением времени становились все более и более ощутимыми. Но существовали они всегда. Особенно резко нарушали фольклорную традицию лубочные сочинители конца XIX в.: «фольклоризуя» сказку о Еруслане, они ее перелицовывали, подкрашивали, механически дополняли слегка подправленными эпизодами, которые заимствовались из произведений профессиональных мастеров художественного слова. Это уже не фольклор, поэтике которого чуждо авторское или соавторское сочинительство. Но это и не подлинное литературное творчество, которому чуждо эпигонство, ограниченное подражанием готовым образцам — фольклорным, литературным. Поэтому литературная сказка, окончательно вытеснившая в XX в. лубочную, отнюдь не является ее наследницей. Это, думается, следовало учесть в монографии.

В главе V, посвященной устным вариантам сказки о Еруслане, устанавливается, что для большинства известных устных сказок источником послужил лубок. Особое внимание уделяется своеобразной трактовке этой сказки выдающимися народными сказочниками — Е. Сорокиным-Магаем, А. Корольковой, А. Сказкиным, А. Поповым и др. Первой публикацией устной сказки о Еруслане Л. Н. Пушкирев считает текст № 115 сборника Б. и Ю. Соколовых 1915 г.⁴ Это не точно: устный вариант данной сказки был напечатан в «Живой старине» за 1895 г. (кн. III—IV, с. 424—426). В числе

² ГПБ, Собрание Погодина, № 1773. XVII в.

³ Башкирское народное творчество. Сказки. Кн. III, № 11.

⁴ Сказки и песни Белозерского края. Записали Соколовы Б. и Ю. М., 1915.

народных сказок XIX в., содержащих мотивы, характерные для сказок о Еруслане, отмечен текст № 1286 сборника А. Н. Афанасьева, но не указан текст № 161 того же сборника, частично отражающий сюжет о Еруслане в контаминации с сюжетом о трех подземных царствах — так же как и текст № 14 III выпуска «Белорусского сборника» Е. Романова. Кроме того, в IV выпуске «Белорусского сборника» (Витебск, 1891) есть два текста (№ 26 и 29), частично отражающие сюжет о Еруслане, не учтенные Л. Н. Пушкаревым. Из неучтенных им устных неславянских сказок, содержащих мотивы «Еруслана Лазаревича», отмечу башкирскую сказку «Етиген-батыр», вошедшую наряду с названным выше полным башкирским вариантом «Еруслана Лазаревича» («Тимерхан») в третий том сказок серии «Башкирское народное творчество». В перечне устных вариантов «Еруслана Лазаревича», данном в примечаниях к главе V монографии, 14 русских и один белорусский тексты, опубликованные до 1970 г. После 1971 г. опубликованы еще три русских устных сказки о Еруслане — в сборниках Е. И. Шастиной⁵, А. Разумовой и Т. Сенькиной⁶ и А. Кретьева⁷.

Кроме сказочных, в последней главе монографии чрезвычайно полно представлены былинны варианты «Еруслана Лазаревича». Они рассматриваются в связи с былинами об Илье Муромце и русским героическим эпосом в целом. В органическом родстве образов Ильи и Еруслана автор монографии справедливо усматривает свидетельство национального характера Еруслана.

В «Приложениях» к книге приведен старейший рукописный вариант сказки и дан перечень всех известных ее рукописных вариантов.

Несмотря на отдельные недочеты, книга Л. Н. Пушкарева, имеет актуальное значение как исследование, в котором охвачены неразработанные ранее вопросы истории культуры, связанные с русской фольклором, лубком, древней литературой. Написанная живо, компактно, она должна вызывать интерес у широкого читателя. Издание ее тиражом 95 000 экземпляров в научно-популярной серии АН СССР «Литературоведение и языкознание» вполне оправданно.

Л. Г. Барзг

⁵ Шастина Елена. Сказки ленских берегов. Иркутск, 1971, № 6.

⁶ Русские народные сказки Карельского Поморья/Сост. Разумова А. П., Сенькина Т. И. Петрозаводск, 1974, № 15.

⁷ Народные сказки Воронежской области. Современные записки/Под ред. Кретьева А. И. Воронеж, 1977, № 3.

НАРОДЫ АМЕРИКИ

Steve Talbot. *Roots of Oppression: the American Indian question*. N. Y.: International Publishers, 1981, X+215 p.

Процессы, происходящие в жизни и культуре индейцев США под влиянием капитализма, привлекают внимание большого числа исследователей¹. Однако экономические аспекты этой проблемы изучены недостаточно, на что кроме субъективных причин имеются и объективные. Данные сюжеты оказались как бы на стыке исторического и этнографического изучения индейцев Америки. Как справедливо отмечает автор рецензируемой работы, большинство американских историков, специализирующихся по так называемому индейскому вопросу, считают его исключительно политико-правовым и игнорируют его экономическую основу (с. 51—52). К сожалению, этнографы, в том числе специалисты по аккультурации, также обошли вниманием эту тему, хотя в свое время, составляя примерную программу исследований по аккультурации, Р. Линтон выделил в ней особое направление — Non-Cultural Results of Contact, куда входило изучение места индейцев в системе современных экономических связей². В этом контексте представляет немалый интерес книга известного американского ученого-марксиста С. Тэлбота, заостряющая внимание на экономических корнях угнетения аборигенного населения.

Центральное место в исследовании отводится изучению, хозяйственной жизни индейцев в настоящее время. При этом С. Тэлбот, не довольствуясь констатацией нынешнего бедственного положения индейцев, стремится выявить его истоки, объяснить причины застоя и упадка хозяйства коренного населения, приводящие к тому, что индейцы оказались в самом низу социальной структуры США. Как указывает автор, главной целью его был «анализ современных событий в свете их исторического развития с позиций марксизма» (с. VIII).

Возьмем, к примеру, эволюцию концепции суверенитета индейцев и правовой основы их землевладения. Согласно британским юридическим нормам эпохи колонизации Америки, коренные жители материка, индейцы, обладали суверенитетом и соответственно правом собственности на свои земли³. В первые десятилетия существования США эта традиция официально продолжала существовать. Наиболее четко ее сформулировал президент Д. К. Адамс (1825—1829), заявив, что «в основе отношений с ин-

¹ Из последних работ стоит упомянуть: Wax M. *Indian Americans: Unity and Diversity*. Englewood Cliffs, 1971.

² Acculturation in Seven American Indian Tribes/Ed. Linton R. Gloucester (Mass.), 1963, p. X.

³ Cohen F. *Handbook of Federal Indian Law*. Washington, 1941, p. 43.